

ОДКБ И НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

*Гагик Арутюнян**

Сегодня обширный сегмент Евразии (так называемый «Новый Ближний Восток» – от Марокко до Пакистана), а также часть африканского континента в военно-политическом и социально-экономическом плане находятся в нестабильном, а в некоторых местах – в хаотичном состоянии. Можно констатировать, что захват сфер влияния, начавшийся с установлением в конце прошлого века монополярной гегемонии, трансформируется в упорное многовекторное противостояние, протекающее уже по новым, еще не устоявшимся и поэтому более чем расплывчатым правилам мультиполярного миропорядка [1, с. 23]. Сегодня наиболее точным, чувствительным и интегральным индикатором этой ситуации является война в Сирии, в которую в той или иной степени вовлечены страны НАТО и поддерживающие их арабские режимы и противостоящие им Иран, Россия и Китай.

Вполне закономерно, что в условиях мультиполярных реалий создаются различного рода военные и экономические союзы, в которые вовлекаются государства с близкими национальными интересами и цивилизационными общностями.

* Исполнительный директор Научно-образовательного фонда «Нораванк».

Вместе с тем – согласно авторитетным сценарным разработкам¹ – никак не исключается, что интегрированные по тем или иным признакам ассоциации будут стремиться к изоляции и что параллельно с интеграцией возможны процессы фрагментации мирового пространства. Такая тенденция в итоге может привести к образованию геополитических разломов и тем самым – к увеличению вероятности конфликтов. Но мы полагаем, что в контексте глобальной безопасности «негативное» или «позитивное» влияние интеграционных процессов во многом зависит от так называемой «цивилизационной памяти» «интеграционной матрицы». Иными словами, важным, если не решающим фактором являются те цивилизационные и геоидеологические устремления, которые исторически заложены в обществах интегрированных государств. В этом плане особо отметим, что «интеграционная матрица», к примеру, будущего Евразийского союза в силу своей мультикультуральной и просветительской традиции, не говоря о ресурсах и географических преимуществах, способна придать устойчивость и позитивное развитие всему евразийскому континенту как на юго-восточном, так и западном направлениях².

Однако безопасность любого интеграционного формата подразумевает также (а в некоторых случаях – в первую очередь) военную составляющую, и в контексте интеграционных процессов в Евразии уникальна роль Организации Договора о коллективной безопасности, которая оказалась, пожалуй, единственной структурой³, позволившей избе-

¹ Global Governance 2025: At a Critical Juncture, National Intelligence Council, European Union Institute for Security Studies, September 2010, http://www.iss.europa.eu/uploads/media/Global_Governance_2025.pdf, [2, с. 238].

² См., например, *Леманн Жан-Пьер*, Спасет ли Россия глобализацию? <http://www.globalaffairs.ru/print/number/Spaset-li-Rossiya-globalizatciyu---16037>.

³ Мы разделяем имеющееся в аналитическом сообществе аргументированное мнение, что СНГ как политический формат, к сожалению, не состоялся. См. например, *Гриняев С.*, Несостоявшийся проект. Двадцатилетию СНГ посвящается. http://noravank.am/rus/articles/detail.php?ELEMENT_ID=6315&sphrase_id=28634.

жать худших военных сценариев после распада СССР. Не вызывает сомнений, что этому немало способствовали традиции и стратегическая культура российского Генштаба, который сумел сохраниться в круговороте революционных преобразований. В этом контексте следует воспринимать и создание Аналитической ассоциации информационно-аналитических структур ОДКБ. Подобная ассоциация, в частности, позволит обсуждать различные проблемы безопасности с учетом подходов аналитических сообществ – стран Организации. Пользуясь такой возможностью, попытаемся рассмотреть некоторые проблемы информационной безопасности в том ракурсе, в котором они видятся из Еревана.

***Информационное воздействие и изменение ценностей
в «интеграционной матрице»***

Для корректного обсуждения вопросов внутренних и внешних проблем информационной безопасности необходимо, как минимум, определить ценностные ориентиры и координаты наших стран и обществ на данном отрезке времени. Однако для определения этих координат и, тем более, для возможного прогнозирования ситуации в перспективе необходимы представления о природе процессов и изменений, которые произошли за последние четверть века. Поэтому попытаемся совершить краткий аналитический экскурс в нашу современную историю в терминах информационной политики.

Хорошо известно, что революции приводят к системным преобразованиям и глубоким изменениям в общественной сфере. Вместе с тем либеральная революция 90-ых прошлого века произошла не только по причине реально накопившихся в СССР социально-экономических, национальных и политических проблем внутреннего и внешнего характера, но и благодаря продуманной стратегии и последовательным действиям главного геополитического и идеологического сопер-

ника¹. Пожалуй, можно согласиться с утверждением экспертов Пентагона, что Холодная война была выиграна ими потому, «что мы знали о них больше, чем они о нас»².

Важнейшим элементом этой стратегии было систематическое информационно-психологическое воздействие на советское общество посредством, например, радиопередач «Голоса Америки» и «Радио Свобода», в которых очень умело создавался безупречный «образ» Запада и мрачная реальность «соцлагеря». Вследствие административной идеологизации в СССР всего и вся, а также непродуманной информационной политики, которая так и не сумела выйти из узких рамок «агитпропа», большое влияние на умонастроения творческой и научно-технической интеллигенции оказывала «самиздатовская» и «тамиздатовская» литература.

В «постреволюционный» период информационное воздействие приняло тотальный характер. Примечательно, что наиболее важным инструментарием для ведения этого процесса стали отечественные СМИ, которые не только обеспечивали идейное обслуживание «новых» порядков, но иногда работали в жанре «информационной войны против собственного народа»³. Известно, что именно на этом начальном этапе были запущены масштабные проекты типа «Россия без героев», «переосмысливались» причины и итоги Великой Отечественной войны (выпускались массовым тиражом и «раскручивались по телевидению» книги В.Суворова) и т.п.

Произошли своеобразные изменения и в лексиконе СМИ. Обратим внимание на образовавшееся в те годы и сохранившееся до сих пор словосочетание «постсоветское пространство». Здесь приставка «пост» и эпитет «советское» дают представление о политико-общественном

¹ См., например, [3, 4].

² The Joint Operating Environment (JOE-2010), <http://www.fas.org/man/eprint/joe2010.pdf>.

³ См., например, [5].

прошлом этих стран, но не несут смысловой нагрузки относительно их современного состояния. Слово же «пространство» ассоциируется с некоей обезличенной и обезлюженной территорией. Поэтому оно воспринимается негативно и коррелируется с имеющимися в данном «пространстве» специфическими – как правило, нерешенными – проблемами. Нельзя исключить, что «запуск» и «тиражирование» термина «постсоветское пространство» в медиаполе является своего рода **мемом**, т.е. смысловой направляющей установкой, которая передается из одного сознания в другое и формирует определенное, в данном случае – негативное, восприятие. Таким образом, никак нельзя исключить, что некоторые элементы «постсоветского лексикона» являются результатом информационных операций с целью формирования отрицательного восприятия определенных понятий.

Заметим, что такая информационная стратегия применялась не впервые. В свое время – после Второй мировой – в оккупированных Западной Германии и Японии для соответствующей трансформации и управления обществами этих стран применялись технологии (*nation building* и т.д.), очень схожие с теми, которые спустя полвека были внедрены в бывших союзных республиках. Вместе с тем за прошедшие после войны полвека произошли изменения, которые намного повысили эффективность технологий по управлению обществами¹. Попробуем вкратце перечислить эти изменения:

- Революция в сфере информационных технологий (появление Интернета, мобильных средств коммуникаций и т.п.) качественно расширила технические возможности психологического воздействия.
- Создание и развитие теорий информационных [6] и сетевых [7] войн существенно повысили методологический уровень

¹ Характерно, что подобные «оккупационные технологии» сегодня широко применяются также для снижения протестного потенциала собственных, т.е. современных западных обществ.

и эффективность проводимых мероприятий. С особым размахом применялись технологии «информационных войн второго поколения», основной задачей которых является разрушение системы ценностей противника и внедрение туда собственного «культурного кода».

- Получили массовое распространение международные и на их основе тиражируемые на местах неправительственные организации (НПО) самых различных направлений, которые, обладая большими финансовыми, лоббистскими и организационными возможностями, целенаправленно работают с определенными сегментами общества.

Совокупность приведенных факторов в целом обеспечила тотальное манипулирование сознанием [8, 9] общества, которое за относительно короткий срок в определенной степени изменило не только свои политические ориентации, но и, что суть важно, систему ценностей. Весьма примечательно, что осуждаемый в среде советской протестной элиты носитель этой системы ценностей – герой множества анекдотов *homo soveticus*, в отличие от некоторых современных *homo economicus-ов* и *homo liberalus-ов*, сегодня котируется достаточно высоко. Он был в целом грамотной и разносторонне развитой личностью. Как в Армении, так и в России некоторые представители церкви сегодня высказывают убеждение, что граждане атеистического СССР зачастую стояли намного ближе к истинным христианским ценностям и понятиям, нежели те, кто живет в условиях «свободы совести и религии» и соблюдает лишь формальную религиозную ритуалистику. В этом контексте можно сказать, что, следуя перенятому у А.Чехова перестроечному лозунгу о необходимости «выдавить из себя раба», постсоветское общество «выдавило из себя» и некоторые весьма ценные

качества (об особенностях человеческого измерения «советской цивилизации» см. фундаментальные труды Сергея Кара-Мурзы¹).

Весьма глубокое и метафизическое определение развала СССР в контексте *homo soveticus*-а предложил Александр Панарин в своей книге «Стратегическая нестабильность XXI века» [10]. Согласно философу, «наша гипотеза состоит в том, что новейшие события в России имеют всемирно-исторические корни: они связаны с попыткой глобального реванша индивидуалистического буржуа над всеми теми социально-экономическими, политическими и идеологическими формациями, которые стали ответом наиболее развитой, в интеллектуальном и нравственном отношениях, части человечества на нигилистический вызов буржуазного отщепенства. Однако, как уже отмечалось, реальные исторические типы не строятся на основе примитивного формационного детерминизма – как порождение одномерной классовой, идеологической и иной “сущности”. Советского человека от подобной одномерности спасало его классическое культурное наследие, в первую очередь – литературно-художественное. Сплошная грамотность – не загадка, ее можно внедрить, затратив соответствующие силы и средства. Загадка состоит в том, как она была использована “советским человеком” на глубоко личностном уровне. Научившиеся читать могут поглощать бесчисленные комиксы, детективы и “супердетективы”, “маленькие тексты с большими картинками” (особенно порнографического содержания). Все это мы видим на примере американской массовой культуры, сегодня заполонившей мир. Труднее объяснить тот факт, что юноши и девушки, усвоившие грамотность в первом поколении, стали читать Пушкина, Толстого, Достоевского – уровень, на Западе относимый к элитарному». К этим словам трудно что-то добавить.

¹ Кара-Мурза С., Советская цивилизация, http://www.kara-murza.ru/books/sc_a/sc_a_content.htm.

«Деиндустриализированное» общество

Между тем процессы, которые происходили в постреволюционный период, преследовали не только цель «перевоспитания» советского общества в духе идеалов демократии. Если Германию и Японию изначально планировали направить против СССР и поэтому заботились об их социально-экономическом усилении, то в нашем случае стояла задача максимально ослабить страну.

В настоящем формате обсуждение экономических вопросов вряд ли целесообразно, и поэтому лишь отметим тот известный факт, что практически все бывшие советские республики за короткий период оказались на грани экономической разрухи. Передел собственности породил «бизнес-криминалитет», произошла так называемая «криминальная революция», что привело, в частности, к деиндустриализации экономики. Заметим, что это последнее обстоятельство повлекло за собой изменения в обществе не только экономического, но и гуманитарно-информационного характера.

Известно, что развитие Интернета и информационных технологий (ИТ) в целом являются показателями становления постиндустриального информационного общества [11]. Однако в постсоветском обществе создалась парадоксальная ситуация. Современные информационные технологии и атрибутика наложились на, как уже отмечалось, *деиндустриализованное общество*, которое понесло огромные потери в научно-технологической сфере. Некоторые эксперты полагают, что произошло это благодаря реализации нацеленных на такой результат проектов: в частности, упоминается операция «Серебряный лист» по развалу научно-технологической инфраструктуры в бывших союзных республиках¹. Между тем, согласно канонам теории информационного общества, в таком обществе определяющими должны были быть науч-

¹ См., например, [12].

ные знания, а центром социальной организации – несколько условно – должен был стать «университет», где собственно «производятся» и накапливаются эти знания. Очевидно, что такая схема дала сбой в деиндустриализованном и деинтеллектуализованном постсоветском обществе, которое, несмотря на наличие информационной атрибутики, трудно назвать информационным.

Естественно, что понесла урон и социально-демографическая сфера. По оценкам Генпрокуратуры России, число беспризорников к 2010г. составляло около 4 млн., что больше, чем было после войны в 1945г¹. Столь же неутешительные демографические данные по Армении [13]. В 1991г. в республике проживали 3,5 млн. человек, а по данным Национальной службы статистики, численность населения страны на 1 апреля 2009г. составляла 3.2 млн. По данным Агентства миграции Министерства территориального управления РА и доклада ООН «Преодоление барьеров: человеческая мобильность и развитие», за последние 20 лет из Армении эмигрировал 1 млн. человек, что составляет примерно треть от общего числа населения страны².

Подводя некоторые итоги, следует констатировать, что поражение СССР в Холодной войне было не только геополитической, но и цивилизационно-гуманитарной катастрофой. Примечательно, что некоторые новые республики взамен реальной независимости получили лишь формальные атрибуты суверенитета и *де-факто* стали так называемыми *проху* странами с внешним управлением. Можно согласиться с теми исследователями, которые полагают, что Россию в тот период от полной десоверенизации спасло наличие «ядерного чемоданчика». Однако обратимся к проблемам сегодняшнего дня, которых также немало.

¹ <http://genproc.gov.ru/management/interview/document-5/>.

² <http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/161312/>.

Современные проблемы информационной безопасности и «критические инфраструктуры»

Как мы уже отметили, результативность политических и интеграционных процессов во многом определяется их информационным сопровождением и аналитическим осмыслением. Недаром эксперты *RAND* информационную политику представляют даже не как вспомогательную операцию, а выделяют в виде самостоятельного жанра политики – *ноополитики*¹, которую ведут не только крупные геополитические акторы, но и транснациональные компании, крупные СМИ, международные и даже преступные организации².

Между тем дела в этом аспекте находятся далеко не в лучшем состоянии хотя бы по той простой причине, что граждане стран ОДКБ зачастую больше информированы о делах в НАТО, нежели о том, что же происходит в собственном военном союзе. Характерно, что даже по российскому телеканалу «Звезда» (очень информативному и содержательному в области военного строительства) вопросам, связанным конкретно с ОДКБ уделяется ограниченный объем передач. В Армении дела обстоят примерно так же, и надо полагать, в других странах военного союза. Следует также учесть, что сегодня на общественное мнение влияют не только традиционные СМИ, но и электронные издания, виртуальные социальные сети, блогосфера и т.д. Как показывают наши полевые исследования [15], в плане формирования положительного имиджа военного сотрудничества дела обстоят не блестяще.

Очень важной информационной составляющей при союзнических отношениях является совместная история. Известно, что освободительное движение в Армении и продвижение России в кавказском направлении со времен Петра были взаимосвязаны. С тех времен и на-

¹ *Arquilla J., Ronfeldt D.*, The Emergence of Noopolitk: Toward an American Information Strategy, RAND Corporation, 1999. <http://www.washprofile.org/en/node/943>.

² См., например, [14].

чалось наше военное сотрудничество. Во всех русско-турецких и русско-персидских войнах в российской армии сражались как армянские добровольцы, так и целая плеяда замечательных генералов и офицеров – Лорис-Меликов, Тер-Гукасов и многие другие. В Великой Отечественной воевали шесть армянских национальных дивизий, которые участвовали в Сталинградской операции, 409-ая форсировала Днепр, а Таманская дивизия закончила войну в Берлине.

Однако дела шли неважно в те периоды, когда начинались революционные преобразования, но и здесь тоже надо быть объективными. Ведь про негатив, связанный с операцией «Кольцо», знают все, но крайне мало известно об армяно-российском стратегическом сотрудничестве в годы Карабахской войны. Примеров на эту тему достаточно много, но выделим следующий эпизод, который не нуждается в особых комментариях.

Весной 1992г., когда ситуация на фронте начала меняться в ущерб азербайджанцам, Турция решила вмешаться в нежелательные развития и напасть на РА. На армяно-турецкой границе были сосредоточены подразделения III полевой армии, большое количество бронетехники и авиации, а в ВС РА было объявлено военное положение. Столкновение было бы неизбежным, если бы главнокомандующий вооруженными силами стран СНГ, маршал авиации Е.Шапошников 20 мая в ереванском аэропорту не заявил, что «если к нему (армяно-азербайджанскому конфликту) добавится еще одна сторона, то мы окажемся на пороге Третьей мировой войны» (эти факты подробно представлены в воспоминаниях Леонидаса Хризантопулоса [16, pp. 76-78], работавшего в те годы послом Греции в РА). Между тем сегодня богатая совместная военная история должным образом не освещается.

Как известно, информационная безопасность во многом зависит от защищенности так называемых «критических инфраструктур», под

которыми подразумеваются те технические структуры (компьютерные системы управления, базы данных и т.п.), вывод из строя которых приводит к развалу системы безопасности. Представляется, что пора ввести понятие о критических инфраструктурах контента информационного пространства стран ОДКБ и соответственно позаботиться об их безопасности.

К такой «критической инфраструктуре» должна относиться, в частности, совместная армяно-российская военная история. НОФ «Нораванк» недавно опубликовал четырехтомник «Наши победы» [17] по армянской военной истории, где освещаются некоторые фрагменты армяно-российского военного сотрудничества. Но, конечно, этого крайне мало. Представляется целесообразным, например, совместно издать книгу «Наши общие победы».

Некоторые выводы

Мощь союзных армий во многом зависит не только от принятых политических решений, качества вооружений и т.п., но также от системы ценностей, мировоззренческих ориентиров, природы межнациональных отношений и психологического настроя войск и обществ союзных государств. В современном мире содержание (контент) перечисленных гуманитарных факторов в значительной мере формируется окружающей информационной средой, в которой пребывают как вооруженные силы, так и общества союзных государств в целом. Таким образом, обеспечение гуманитарной составляющей информационной безопасности ОДКБ является сложной задачей со многими переменными, решение которой предполагает как повседневную работу в этом направлении, так и разработку концептуальных алгоритмов. При этом необходимо учесть, что в результате революционных преобразований конца XX века исторически сложившаяся евразийская «интеграционная

матрица» претерпела заметные изменения, т.е. исключительное апеллирование к прошлому опыту, (что, конечно, очень важно) в сложившейся ситуации недостаточно.

Ассоциация аналитических структур, обладая большим профессиональным и синергетическим потенциалом, в числе других важных задач должна реализовать проекты, которые помогут сформировать оптимальную информационно-психологическую среду сотрудничества в рамках ОДКБ.

Июль, 2013г.

Источники и литература

1. *Тер-Арутюнянц Г.*, Многополярная и асимметричная Холодная война. // Вестник Академии Военных наук, #4(21). – М., 2007.
2. *Арутюнян Г.*, Распад «системы» и формирование будущего. – Ер.: НОФ «Нораванк», 2011.
3. *Панарин И., Панарин Л.*, Информационная война и мир. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003.
4. *Швейцер П.*, Победа. Роль тайной стратегии администрации США в распаде Советского Союза и социалистического лагеря. – М., 1995.
5. *Почепцов Г.*, Информационные войны. – М.: Изд-ва «Рефл-бук» и «Ваклер», 2001.
6. *Thomas P. Rona*, “Weapon Systems and Information War”, Boeing Aerospace Co., Seattle, WA, 1976.
7. *Cebrowski, Arthur K. and John J. Garstka*. Network-Centric Warfare: Its Origins and Future. U.S. Naval Institute Proceedings, January 1998.
8. *Кара-Мурза С.*, Манипуляция сознанием. – М.: Алгоритм, 2000.
9. *Кара-Мурза С., Смирнов С.*, Манипуляция сознанием-2. – М.: Алгоритм, Эксмо, 2009.
10. *Панарин А.*, Стратегическая нестабильность XXI века. «Москва», ## 4-12 (глава 2, Почему рухнул Советский Союз? Кем же был «советский человек?»), 2002.
11. *Daniel Bell*, Coming of the Post-Industrial Society. A Venture in Social Forecasting. N.Y., Basic Books, Inc., 1973.
12. *Гриняев С.*, Поле битвы – киберпространство. – Минск: Харвест, 2004.
13. *Ходжабекян В.*, Демография и проблемы занятости в Армении (с начала XIX века до середины XXI века). – Ер.: Изд-во «Гитутюн», НАН РА, 2006.

14. *Параг Ханна*, Второй мир. – М.: Изд-во «Европа», 2010.
15. *Арутюнян Г., Жамакочян А., Манусян С.* «Идеологемы в информационном пространстве Армении». – Ер.: НОФ «Нораванк», 2013, (на арм. языке).
16. *Leonidas T. Chrysanthopoulos*. Caucasus Chronicles. Nation-Building and Diplomacy in Armenia, 1993-1994, Princeton and London, Gomidas Institute Books, 2002.
17. «Наши победы» (в 4-х томах). – Ер.: НОФ «Нораванк», 2008-2013гг., (на арм. языке).

CSTO AND SOME PROBLEMS OF INFORMATION SECURITY

Gagik Harutyunyan

Resume

The might of the allied armies depends not only on political decisions, quality of weapons, etc., but also on the system of values, worldview landmarks, nature of interethnic relations and psychological mood of troops and societies of the allied countries. In the modern world the content of the aforementioned humanitarian factors is mostly formed by the surrounding information environment in which both the armed forces and societies of the allied countries exist. Thus, providing humanitarian component of information security of the CSTO is a complex multivariable task the solution of which supposes both everyday work in this direction and elaboration of conceptual algorithms. Association of Analytical Structures, possessing big professional and synergetic potential, among other important tasks must implement projects, which will help to form optimal information and psychological environment of cooperation within the framework of the CSTO.